

ШЕСТЬ ЗИМНИХ НОЧЕЙ

Кэти Астэр, Лизз Демаро,
Мария Покусаева, Надя Сова,
Кристина Той, Владимир Торин

рассказы

МИО

МИФ Проза

Кристина Той

Шесть зимних ночей

«Манн, Иванов и Фербер»

2024

УДК 82-32(470+571)
ББК 84(2Рос)6-44

Той К.

Шесть зимних ночей / К. Той — «Манн, Иванов и Фербер»,
2024 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00214-354-2

Шесть зимних ночей – и шесть рассказов, по одному на каждую, уютных и жутких, сказочных и пугающих. О юном коридорном, спасающем город и Новый год; о сестрах, в груди у которых бьются слишком разные сердца – ледяное, словно зима, и жаркое, словно лето; о древних чудовищах и юных ведьмах; о многом другом – и в первую очередь о людях, остающихся людьми в самые долгие зимние ночи. Для кого эта книга Для читателей, которые любят мистические, таинственные и сказочные истории. Для тех, кто ищет идеальную книгу в подарок на Новый год для своих близких.

УДК 82-32(470+571)
ББК 84(2Рос)6-44

ISBN 978-5-00214-354-2

© Той К., 2024
© Манн, Иванов и Фербер, 2024

Содержание

Владимир Торин. Мистер Ворончик	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Шесть зимних ночей

Сборник рассказов

Авторы:

Кэти Астэр, Лизз Демаро, Мария Покусаева, Надя Сова, Кристина Той, Владимир Торин

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Кэти Астэр, Лизз Демаро, Мария Покусаева, Надя Сова, Кристина Той, Владимир Торин, 2024

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

Владимир Торин. Мистер Ворончик

Старая гостиница «Габенн» на Чемоданной площади обычно была местом тихим, сонным и довольно тоскливым, но только не сегодня. В тесных коридорчиках то и дело хлопали двери номеров, на лестнице звучал топот, а на стене за стойкой портье постоянно трезвонили колокольчики.

– Коридорный! – раздавалось тут и там. – Коридорный! Коридо-о-орный!

Юный коридорный Томас Гаррет, младший сын господина Гаррета, хозяина гостиницы, пытался попасть в свою комнатку уже почти час, и ему все не удавалось это сделать.

У него было очень срочное и важное дело, но что значат твои личные дела, когда ты простой коридорный. Едва ли не каждый встреченный им по пути постоялец считал своим долгом выдать ему какое-нибудь задание и не отпускал от себя до тех пор, пока Томас его не исполнит.

– Коридорный! – Мистер Родберд из второго номера ткнул в руки Томаса очередную, уже восьмую за сегодня, пару туфель. – Почистите их! Да побыстрее. Что? Никакая из предыдущих семи пар не подходит! Мои ноги вечером должны блистать!

– Коридорный! – Миссис Тарт из шестого номера всучила Томасу перемотанную ленточкой стопку открыток высотой с самого Томаса. – Нужно разослать их как можно скорее! И это еще не все – у меня тут два чемодана открыток! Да будет вам известно, многие в этом городе ждут от меня поздравление!

– Коридорный! – Мистер Порингтон из семнадцатого выскочил прямо на лестницу с таким видом, как будто близится конец света и он сам по неосторожности его спровоцировал. – У меня распрямился ус! Нужно срочно исправить это безобразие и завить его обратно!

– Коридорный! – Молодая писательница мисс Уинспилл из двенадцатого номера продемонстрировала Томасу свои опухшие красные пальцы. – Мне нужна ваша помощь! Я заканчиваю последнюю главу романа, а пальцы болят стучать по клавишам машинки! Будете печатать под диктовку. Как у вас обстоит дело с длинными словами вроде «гиппопотомонстросескипедалофобия»? Что? Конечно, такое слово существует! Оно означает боязнь длинных слов...

– Коридорный! – Скользкий тип мистер Спилли из двадцать первого едва ли не силой затащил Томаса в свой номер. – Возмутительно! Сюда не подведен лифт для еды! Мне нужны пути отступления! Зачем мне пути отступления? Не ваше дело! Тащите веревку – вывешу ее в окно! Это лучше, чем ничего...

Томас пытался объяснять, что торопится, что его очень ждут, но никто не слушал. Требования! Поручения! Задания!

Исполняя все эти порой абсурдные капризы, коридорный с головы до ног промок; его бордовый мундирчик уже давно сидел вкривь, очки в круглой оправе на носу запотели,

а волосы под форменной шапочкой разлохматились и превратились в некое подобие старой щетки.

Сильнее всего его раздражали, впрочем, даже не постояльцы, а то, что в гостинице было еще два коридорных, к которым можно обратиться. На Уинслоу, правда, вообще не стоило полагаться, а Фредди, старший брат Томаса, изобрел замечательный способ, как избегать обременительных забот: «Простыть мьеня, мьистер! – отвечал он на какую-нибудь просьбу постояльца. – Я не говорить на ваш язык и не понимайт ни слова! Но мой брат Томас знать все языки, спросить у него...» Как ни странно, это срабатывало, хоть отец и обещал Фредди, что оторвет ему уши, если тот не оставит свои шуточки. Несмотря на это, Фредди пользовался тем, что отец занят за стойкой, и навесил тяжеленный мешок, полный постояльцев, на хрупкие плечи брата.

Еще вчера скучные и похожие на лунатиков обитатели номеров вдруг превратились в нервных и дерганных чудаков, и в этом, по правде, не было ничего удивительного – до Нового года оставалось всего несколько часов.

Гостиница наполнилась нетерпением и волнением, шли последние приготовления. В коридорах витали запахи хвои и душистого грога, с кухни тянуло ароматом запекаемого гуся. Повсюду горел свет – по случаю праздника все плафоны газовых рожков почистили, и это место, избавившись от темных мрачных углов, вдруг перестало быть собой – тоскливой гостиницей, куда почтенных джентльменов и дам не заманишь даже посулами низких цен на номера (что было неправдой) и, само собой, исполнительных коридорных (отчасти правда)...

Разобравшись с поручением четы Чарвей из тринадцатого номера (перепеленать их сынишку Маттиаса, что, к своему огорчению, коридорный делал с момента, как они въехали), Томас уже двинулся было к двери своей комнатки, сжимая в руке продолговатый бумажный сверток, когда вдруг кое-что в Газетной гостиной привлекло его внимание.

В гостиной близость Нового года ощущалась сильнее всего. Горел камин, по радиофору шла праздничная передача. В центре гостиной стояла высокая разлапистая ель, на которую Фредди, долговязый и тощий, со скошенной набок шапочкой коридорного, лениво надевал игрушки. На диванчиках у стен сидели некоторые из постояльцев: кто-то читал газету, кто-то потягивал грог, а кто-то обсуждал с соседом новости – в «Сплетне» писали, что сани Человека-в-красном видели в городе.

Но все это Томаса сейчас не заботило.

В кресле у окна сидел мистер Тёрнхилл из восьмого номера. Это был старик лет семидесяти с узким сероватым лицом, клочковатыми, похожими на драный войлок бакенбардами и такими мохнатыми бровями, что в них, как в лесу, запросто мог поселиться волк и заблудиться девочка в красном капюшоне с пелериной.

Мистер Тёрнхилл Томасу нравился. Добрый, приветливый, общительный – такие господа нечасто сходят с поезда в Габене. Вместе со своим чемоданом, сшитым из лоскутов, он появился на пороге гостиницы месяц назад, с первым снегом. Сразу же сказал, что является представителем старой, почти забытой профессии путешествующих сказочников и попросил номер с окном, выходящим на север. Постояльцем он был тихим, нетребовательным, но Томас сразу понял, что джентльмен это очень таинственный. А еще старика мучило горе, похожее на болезнь. Позже он признался, что потерял кое-что здесь, на вокзале, – чувство потери было не излечить никакими пилюлями, и порой мистер Тёрнхилл впадал в меланхоличное и подавленное состояние.

Сейчас старик как раз в нем и пребывал – казалось, он единственный, кто не ждет праздника. С тоской и безразличием мистер Тёрнхилл смотрел на идущий за окном снег и каждый раз вздрагивал, когда ветер начинал выть в дымоходе.

Томас направился напрямик к нему.

– Мистер Тёрнхилл, – сказал он, подойдя, – у вас все хорошо?

Вопрос был странным, ведь Томас знал, что у него не все хорошо.

Старик медленно повернул к нему голову. Его серые глаза были полны печали.

– У меня все хорошо, Томас, благодарю вас.

– Может быть, вам что-то нужно? Я могу принести вам грога...

– Не нужно, благодарю, Томас. Вы очень добры. Хотя... скажите, почтальон мне ничего не приносил?

Томас покачал головой, и старик снова отвернулся.

– Я так и думал, – едва слышно произнес он. – Чуда не случится...

– Не огорчайтесь раньше времени, мистер Тёрнхилл. До полуночи есть время, а Человек-в-красном...

– Человек-в-красном слишком занят, чтобы навещать какого-то бездомного старика, молодой человек. Да и существует ли он на самом деле?

– Конечно, существует, – убежденно сказал Томас. – У него и правда сейчас очень много дел, но я уверен, что он ответит на ваше письмо.

– Мое письмо... – проворчал старик. – Я жалею, что поддался на ваши уговоры, Томас, и написал ему. Не стоило... не стоило даже надеяться. Я не заслуживаю чуда...

– Заслуживаете, – возразил Томас. – Все заслуживают чуда. А когда еще чудесам сбываться, как не на Новый год. Верьте, мистер Тёрнхилл. Просто верьте! Я убежден, что ваше желание сбудется – просто подождите немного...

Мистер Тёрнхилл опустил голову на грудь и беззвучно заплакал. Томас, неловко потоптавшись у его кресла, решил, что лучше оставить старика в покое.

Он направился к выходу из Газетной гостиной, но покинуть ее не успел. Его схватили за шиворот, а затем затащили за елку.

– Пусти! Пусти, Фредди!

Фредди отпустил Томаса, и тот, гневно глядя на брата, подтянул свой бордовый мундирчик.

– Что тебе было нужно от этого спятившего старика? – спросил брат с подозрением. – Это как-то связано с тем, что ты последние два дня куда-то сбегаешь из гостиницы?

– Ничего он не спятивший, Фредди! – возмущенно ответил Томас. – Он просто очень одинокий и несчастный...

Фредди усмехнулся, продемонстрировав настолько широкую щель между передними зубами, что в нее могла пробраться и мышь.

– Еще как спятивший, – сказал он. – Ты слышал, что он рассказывает? Будто его в детстве похитил Крампус, а брат якобы спас его. Все как в новогодней пьеске.

– Я ему верю.

– Тогда ты болван, Томми. – Брат прищурился. – Но я знаю, что ты что-то задумал.

– Задумал?

Томас поправил очки. Все это было крайне не вовремя. Фредди всегда только и ждал, чтобы устроить какую-нибудь пакость – если он пронюхал о том, что Томас скрывал, бед не обещался...

– У тебя какая-то тайна, – с важным видом сказал брат. – Я видел, как ты ходил на вокзал вчера, а потом якобы помогал выселившейся мадам Поркард донести ее багаж до трамвайной станции и сам сел на трамвай. Куда ты ездил?

– Нужно было помочь мадам донести багаж до дома ее кузины. У нее были очень тяжелые чемоданы...

– Ну ты и врун, Томми. Я тебя хорошо знаю и сразу вижу, когда ты что-то скрываешь. Думаю, отцу будет любопытно узнать...

– Не говори ему ничего! – испуганно прошептал Томас, и Фредди самодовольно осклабился.

– Вот видишь! Рассказывай...

– Не сейчас, Фредди. Я тороплюсь. Я все тебе расскажу. Только потом. Ты же знаешь, что я все тебе рассказываю.

– Куда это ты так торопишься?

– Нужно отнести это новому постояльцу, – сказал Томас, продемонстрировав свой сверток. – Он и так меня заждался...

– Новый постоялец? Гм... Сегодня ведь никто не вселялся. Ты снова скрытничаешь, но я слежу за тобой, Томми, меня не проведешь.

Под пристальным взглядом брата Томас выскользнул из Газетной гостиной и ринулся по коридору. Кое в чем он не солгал – новый «постоялец» действительно ждал этот сверток, а он, Томас, и так слишком задержался. Оставалось надеяться, что «постоялец» проявит терпение, хотя, зная этого господина, Томас боялся, что «нерасторопного коридорного» ждет целая буря возмущения и негодования из-за задержки. Он ведь сказал ему, что скоро придет...

«Только бы этот тип не сожрал мои рисунки или карандаши, – испуганно подумал Томас. – Я потратил на них все, что оставалось от чаевых...»

Добравшись до своей комнатки у лестницы, он затаил дыхание и открыл дверь.

– Прошу прощения, – начал коридорный, переступив порог. – Я знаю, что меня долго не было, но...

Томас оборвал себя на полуслове. Комнатка была пуста. Его рисунки – угольные бабочки и кривоватые портреты некоей мисс, сделанные прямо на страничках старых газет, – как и прежде, висели на стене, закрепленные булавками. Карандаши на тумбочке также были на месте, а вот «постоялец» в комнатке отсутствовал. И хуже всего – на полу у кровати валялась сорванная с уже упакованного подарка оберточная бумага; рядом в беспорядке лежали ленты.

Подарок – очень важный подарок! – исчез!

И тут где-то на этаж ниже раздался дикий женский визг.

Томас выскочил из комнаты и с отчаянием схватился за голову.

В ней пронеслась мысль:

«Что я наделал?! Зачем привел его сюда! Отец точно меня убьет!»

...А еще час назад все шло своим чередом, все было тихо и спокойно – по меркам гостиной незадолго до Нового года, разумеется. Постояльцы готовились к празднику, и никакая мисс пока даже не догадывалась, что скоро завизжит, как будто ей защемило пальцы в мышеловке.

– Томас! – раздалось от стойки регистрации.

Томас не услышал.

Он завороченно глядел в окно на Чемоданную площадь. Прежде на его памяти она не была такой красивой – сейчас картина за окном походила на праздничную открытку. Обычно хмурые, затянутые дымом и гарью привокзальные кварталы укутались в белое пуховое одеяло, в воздухе парили снежинки, и меж ними проглядывали огоньки – десятки разбросанных по всей площади рыжих огоньков. Они таинственно мерцали и порой будто бы подмигивали.

Площадь тонула в предпраздничной суете. Из здания вокзала выходили приезжие с чемоданами, они поспешно забирались в кэбы на станции или в ожидавший их трамвай, а кто-то вливался в толпу прохожих. Пришвартованный в центре площади дирижабль «Бреннелинг» сегодня больше никуда отправляться не собирался – погода была нелетной: к вечеру ожидалась метель.

Экипажи гудели и клаксонировали, а прохожие сновали по тротуарам, торопясь поскорее попасть домой и совсем не обращая внимания на стоявшего у входа в Старый пассаж Человека-в-красном. Само собой, Человек-в-красном был ненастоящим – его роль исполнял завод-

ной автоматон в шубе и с накладной белой бородой. Механоид напоминал прохожим о том, чтобы не забыли запечь гуся, раскрасить праздничные открытки и украсить елки.

Томасу о таком напоминать не нужно было. Еще днем они с Фредди притащили в гостиницу большую елку, купленную у мистера Макфи, открытки для всех постояльцев раскрасили еще накануне, а что касается гуся, то сейчас на кухне тетушка Агнесс, должно быть, как раз его готовила. Эх, поскорее бы его попробовать... Чем ближе был праздник, тем медленнее тянулось время...

– Томас! – прозвучало вновь, и коридорный вздрогнул так, что его очки сползли на кончик носа.

– Да, отец, – сказал он, повернувшись.

Господин Гаррет, обладатель пышных бакенбард, плавно переходящих в усы, и бордового (под цвет обстановки и формы коридорных) твидового костюма, хмуро глядел на сына.

– Ты снова замечтался! – осуждающе воскликнул он, достав из жилетного кармашка одни из своих шести часов на цепочках (все его часы показывали разное время, и только господин Гаррет понимал, какое именно какие из них показывают). – Сейчас не время мечтать – у нас полно забот!

– Когда еще мечтать, если не сейчас? – возразил Томас. – Новый год близко...

– Не спорь со мной. Миссис Кархх из восемнадцатого номера не может разжечь камин – нужно ей помочь: мы же не хотим, чтобы она замерзла и превратилась в сосульку.

Лично Томас был бы не против такого исхода. Постоялица из восемнадцатого номера являлась худшим представителем тех, кто останавливался в гостинице. Склонная и доставучая, она вечно на что-нибудь жаловалась: то перышко вдруг закололо в подушке, то под ковром что-то завелось, то на стене от лампы появлялась пугающая тень, похожая на крысоподобного джентльмена в цилиндре... И каждый раз она звонила в звонок и вызывала коридорного. Эх, вот было бы неплохо, если бы она простояла в виде тихой спокойной, молчаливой сосульки хотя бы полчаса.

– А ты можешь послать к миссис Кархх Уинслоу?

Томас кивнул на развалившегося возле звонка на стойке и яростно облизывающего хвост толстого полосатого кота в костюме и шапочке коридорного. Услышав вопрос Томаса, кот мгновенно прекратил свое занятие и уставился на него исподлобья. На широкой усатой морде явно читалось: «Сам иди к этой мерзкой старухе!»

Кот был очень ленивым – в его обязанности входило ловить гостиничных мышей, но это не мешало упомянутым мышам сновать по тесным коридорчикам и спичечным коробкам номеров с таким наглым видом, словно каждая являлась здесь вполне законной постоялицей.

– Очень смешно, Томас, – проворчал отец. – Как он разожжет камин? И еще одно: прежде, чем идти к миссис Кархх, загляни в угольный ящик – Агнесс слышала там возню. Должно быть, снова гремлины забрался.

Томас удивленно округлил глаза.

– Что гремлину там делать? В угольном ящике мог завестись только кобальд!

Отец ожидаемо тряхнул головой, как делал всегда, когда Томас его разочаровывал или огорчал.

– Кобальдов не существует, Томас. Хватит болтать о небылицах, это старикашка Тёрнхилл тебе голову задурил кобальдами всякими! Избавься от вредителя и отправляйся к миссис Кархх. Пошевеливайся!

Томас вздохнул, поправил форменную шапочку и направился к чулану в дальнем конце этажа. Достав оттуда грубые рабочие перчатки, он зажег керосиновый фонарь и вышел через заднюю дверь во двор.

Снега успело наместить столько, что пришлось пробираться к угольному ящику, утопая в нем по колено. Ветра не было – и то хорошо...

Даже с расстояния в дюжину шагов стало ясно, что в большом ржавом коробе и правда кто-то был. Ящик сотрясался, крышка, грохоча, подпрыгивала, из-под нее раздавался тоненький голосок.

– Проклятая железяка! Выпусти меня! Тебе меня не удержать!

Томас застыл. Кто бы в ящике сейчас ни сидел, это точно был не кобольд и уж точно не гремлин.

– Ну что за напасть! – продолжал возмущаться пленник. – Ну, я тебе задам, дурацкая коробка!

Томас отмер и осторожно подошел к ящику.

– Эй! Кто там внутри?!

Грюканье стихло. Как и голосок.

– Кто там внутри? – повторил Томас. – И что вы делаете в нашем угольном ящике?

– Выпусти меня! – потребовал обладатель тонкого голоса. – Если не хочешь испытать на себе мой страшный гнев!

– А вот и не выпущу! – ответил Томас. – Пока не скажете, кто вы и как туда попали.

– Ну пожа-а-алуйста, – заканючил пленник. – Я должен выбраться! Здесь очень плохо!

И в нос лезет всякое... всякое... а-апчхи!

Томас сжалился, подошел и осветил себе фонарем.

– Я открываю, – сказал Томас. – Только без глупостей!

Взявшись за крышку, он осторожно приподнял ее.

Из ящика тут же вывалилось что-то странное, и коридорный выпучил глаза.

В снегу копошился какой-то... человечек? Больше причудливое существо, впрочем, походило на довольно уродливую общипанную птицу. Если бы, конечно, у птиц были тощие ручонки и ножки, а также белая, как и снег кругом, кожа. На тонкой шее существа сидела совершенно лысая голова со здоровенным острым носом, двумя круглыми черными глазами и изломанной трещиной рта. Это нечто и в самом деле чем-то напоминало гремлина.

– Ты... кто? – потрясенно спросил Томас, глядя, как существо сунуло нос в снег, пытаясь очистить его от угольной пыли.

Коротышка испуганно взвизгнул и нырнул за ящик. Оттуда тут же раздалось:

– А-апчхи!

Подняв повыше фонарь, Томас заглянул за ящик. Там уже никого не было.

– А ты кто? – прозвучало за спиной.

Томас резко обернулся. Из снега торчала голова коротышки. Взгляд черных глаз сверлил коридорного.

– Что это за глупая шапка? – спросило существо, и Томас непроизвольно прикоснулся к шапочке.

– Я Томас. – Он кивнул на заднюю дверь. – Служу коридорным в отцовской гостинице.

– Что такое «гостиница»? – с любопытством спросил коротышка, и Томас даже не поверил своим ушам: как такого можно не знать?!

– Гостиница – это место, в котором селятся приезжие.

– Приезжие?

– Люди с чемоданами.

Из снега вылезла ручонка, и коротышка задумчиво почесал острыми когтями кончик носа.

– Не люблю чемоданы. И людишек не люблю. Они все подлые и мерзкие. Кроме Зои. Зои хорошая, она со мной разговаривала и рассказывала мне сказки, но ее папаша много лет держал меня в коробке. Он злобный и коварный! Заманил меня рыбой и поймал! А потом запер!

– Мне очень жаль.

– А потом я освободился. Сам! И без чьей-то помощи! Проявил чудеса ловкости – я вообще очень ловкий, – подумав, существо добавило: – и ужасный! Я – худшее бедствие, какое когда-либо приключалось! Я... я... а-апчхи!

Томас улыбнулся. Угрожающим «худшее бедствие» упрямо не желало выглядеть. А еще в его словах явно слышалось неприкрытое хвастовство.

– Как тебя зовут? – спросил Томас.

Коротышка сморщил нос и нырнул в снег, а потом выскочил наружу и по-кошачьи запрыгнул на крышку угольного ящика. После чего встал во весь свой крошечный рост и, горделиво вскинув голову, продекламировал:

– Скоро все узнают мое имя! Мое ужасное имя, которое несет гибель и разрушения! Я – рок, посланный разрушить этот гадкий город!

Если существо и пыталось напугать Томаса, у него ничего не вышло. Оно выглядело крайне нелепо и очень забавно.

– Так как тебя зовут?

– Мистер Ворончик, – наконец представился коротышка.

Томас не смог сдержать снисходительную улыбку.

– Как ты оказался в угольном ящике, Ворончик?

Коротышка приуныл.

– Я бродил по городу, и меня сюда привел запах рыбы. Очень вкусный запах! Я забрался на ящик и провалился. Подлый ящик! – Он топнул, и крышка отозвалась лязгом. – Очень есть хочется...

Томас пожалел маленького хвастуна. Тот вдруг показался ему таким опустошенным и беспомощным, что ему неожиданно стало грустно.

– Наверное, ты учуял рыбу, которую готовит к праздничному ужину тетушка Агнесс. Если хочешь, Ворончик, я принесу тебе одну.

– Хочу две. Мне нужны силы, чтобы разрушить город.

Томас усмехнулся.

– Ладно, я попробую стащить две. Жди здесь...

– Не хочу здесь. Мне здесь не нравится.

– Ах да, – кивнул Томас. – Ты, наверное, совсем замерз.

Ворончик возмутился:

– Что? Нет! Я люблю снег! Просто обожаю! Мне *здесь* не нравится – дыра какая-то.

Томас даже обиделся.

– Ну, ваша светлость, не окажете ли мне честь занять шикарный номер, пока ждете свой великолепный ужин?

Ворончик иронии не уловил и с радостным видом закивал. Томас вздохнул – его вдруг посетила мысль, что он сильно пожалеет о том, что собирался сказать, и все же произнес:

– Ладно, пойдем. Только смотри, чтобы тебя никто не увидел...

Ворончик широко и довольно жутко улыбнулся.

– Я сама незаметность. Никто даже не догадается, что я здесь...

...Что ж, как вскоре выяснилось, незаметность Ворончика была сильно преувеличенной.

Томас бросился на визг с мыслью: «Кажется, этот мелкий пройдоха решил начать разрушение города, о котором говорил, с нашей гостиницы!»

Визжала миссис Бонавентур из седьмого номера. Когда Томас вбежал к ней, мадам стояла на собственной кровати, придерживая подол платья. В воздухе висели облака пудры, по всему номеру валялись разбросанные вещи постоялицы. Мадам Бонавентур была актрисой и прибыла в Габен в надежде устроиться в один из местных театров, поэтому ее багаж составляли

по большей части сценические костюмы и реквизит – повсюду на полу лежали боа, веера, зонтики и платья под различные амплуа.

– Мадам, что случилось?! – воскликнул Томас.

– Крыса-переросток! – драматично воскликнула миссис Бонавентур, старательно переигрывая. – Я зашла в номер после чаепития, а она была здесь и копалась в моих вещах! Эта уродливая мерзость стащила мою ночную рубашку!

– Вашу... гм... ночную рубашку?

– Да! Любимую рубашку – белую, с перьевым воротником!

– Куда она побежала?

– Ночная рубашка?

– Крыса-переросток, мадам!

Постоялица вытянула руку и ткнула ею, указывая на дверь.

Томас выбежал из номера и под разразившийся с подмостков кровати трагичный театральный монолог помчался по коридору.

На лестнице, что вела наверх, он увидел ночную рубашку мадам Бонавентур – она лежала на ступенях, похожая на призрака, который вдруг устал и решил прилечь отдохнуть.

Томас уже наклонился, чтобы поднять ее, как этажом выше раздался жуткий грохот. За ним последовали крики – кричали джентльмены.

Взбежав по лестнице, Томас остановился в коридорчике и распахнул рот, потрясенный открывшейся ему картиной.

На боку лежал большой кофейный варитель, который они с братом обычно возили от номера к номеру. Медный аппарат покачивался в густой туче пара, его три колесика поворачивались, а из раскрытой емкости для кофе выливалась горячая черная жижа. Лужа на ковре все увеличивалась, постепенно затягивая весь этаж и подбираясь к лестнице...

В коридоре было двое постояльцев, мистер Пьюди из одиннадцатого номера и мистер Тренкель из четырнадцатого. Оба прикидывались цирковыми мартышками и, боясь замочить туфли или и вовсе утонуть в кофе, висели на стене, держась побелевшими пальцами за газовые рожки. В черной луже лежали оброненные трости обоих джентльменов.

Увидев коридорного, постояльцы тут же заголосили.

– Здесь гремлины! Напудренный гремлин! – вопил один.

– Бледный, как моя покойная бабушка! – вторил ему второй.

– Куда он делся?

Головы постояльцев одновременно повернулись к окошку в тупике коридора. Оно было открыто, и на этаж залетал снег.

«Сбежал? Он сбежал?!» – подумал Томас. Коридорный не знал, радоваться ему или огорчаться. С одной стороны, виновник бедлама покинул гостиницу, но с другой... он прихватил и подарок! Такой важный подарок!

И тут прогремел выстрел. Томас дернулся и вжался в стену. Оба постояльца от неожиданности и страха разжали пальцы и плюхнулись в лужу, подняв фонтаны черных брызг, а затем с воем разбежались по своим номерам.

Раздался второй выстрел, и Томас бросился туда, откуда он звучал. Дверь номера мистера Спилли этажом ниже была открыта. Сам постоялец прятался за стулом, дуло револьвера, который мистер Спилли сжимал в руке, дымилось.

– Вы стреляли! – воскликнул Томас. – В гостинице нельзя стрелять!

– Мне плевать! – рывкнул мистер Спилли. – Я так и знал, что они меня здесь найдут!

– Кто?!

– Свечники, разве не ясно? Я здорово им насолил, и вот они подослали ко мне убийцу...

– Убийцу? – с сомнением спросил Томас.

– Да. Лучшего убийцу в городе! Карлика по прозвищу Замочная Скважина! Он такой мелкий, что пролезет в любую щель. Он забрался по веревке в окно и пытался напасть, но я был начеку! Я точно задел его! Ха! В его шкуре появилась новая дырка! Будет знать, как связываться с Робертом Удавочником Спилли!

– Где он сейчас?

Мистер Спилли ткнул револьвером в чернеющую трубу воздуховода под потолком, рядом с которой на одном гвозде висела, покачиваясь, витая решетка.

– Сейчас он может быть где угодно... – сказал постоялец.

До слуха Томаса донесся гул. Посвистывающий гул, перемежающийся лязгом и скрежетом. Коридорный знал эти звуки с детства.

– Это не убийца, сэр! Уберите револьвер немедленно, пока мой отец не потребовал сдать ключ от номера!

Томас ринулся по коридору к лестнице.

Из всех комнат, мимо которых он пробежал, раздавался звон колокольчиков, некоторые двери открылись, из-за них выглядывали недоуменные и испуганные постояльцы – все желали знать, что происходит.

Спустившись на первый этаж, Томас подбежал к стоявшему у двери кладовки Забытых вещей чистильному шкафу. Кабинка, в которой обитатели гостиницы могли почистить свои костюмы, дрожала и тряслась. Лязг механизмов заполонил все кругом...

Сжав зубы, Томас распахнул дверь.

– Попался!

Чистильный шкаф был пуст. Вращались щетки на выдвижных механизмах, охаживая старый деревянный манекен, и все... беглеца внутри не наблюдалось.

– Томас! – прозвучало яростное от входной двери, и коридорный похолодел.

Повернув голову, он увидел отца. Тот стоял у порога в наброшенном на плечи пальто и сжимал в руках коробку, полную писем, – должно быть, выходил встречать почтальона.

– Что здесь творится, Томас?!

Коридорный дернул рычажок, и шкаф выключился.

– Я слышал выстрелы и крики, – продолжил отец. – Ни на секунду нельзя отлучиться! Что творится в моей гостинице, хотел бы я знать?!

Томас не нашел ничего лучше, как солгать, хотя это вряд ли помогло бы ему сейчас избежать отцовского гнева.

– Это гремлин из угольного ящика, – сказал он. – Коротышка... я пытался его поймать, но он проскользнул в гостиницу.

– Гремлин?! И как ты его упустил?! Тебе даже такое простое поручение нельзя доверить!

Томас застыл.

– Отец...

– Не желаю ничего слушать!

– Отец! – воскликнул Томас. – Ты слышишь?!

Господин Гаррет прислушался. Откуда-то неподалеку раздавался приглушенный вой. Озадаченный, тоскливый и весьма оскорбленный вой...

– Это Уинслоу! – догадался Томас. – Звук идет... отсюда...

На ржавой бронзовой тележке у лестницы стопкой стояло несколько чемоданов. Вой доносился откуда-то оттуда.

Отец подошел и, поставив на стойку коробку, гневно глянул на сына. Тот понял этот взгляд и поспешно открыл верхний чемодан. Пусто... За первым последовали и второй, третий, четвертый... Уинслоу нигде не было, а вой все звучал.

Наконец, открыв последний, самый нижний чемодан, Томас обнаружил бедолагу Уинслоу. Кот глядел на него громадными испуганными глазами, хвост его торчал трубой,

а шерсть стояла дыбом. Почти сразу, как крышка поднялась, Уинслоу выпрыгнул из чемодана и нырнул за стойку.

– Гремлин запер его в чемодане? – недоверчиво спросил отец. – Как это возможно?

Томас не успел ответить.

– Эй, что за кавардак?! – На первый этаж с лестницы выглянул Фредди. – В гостиницу снова заявились головорезы, пришедшие по душу Томми?

– Это не головорезы, молодой человек, – прозвучало хриплое за спиной Фредди, и тот, лишь заслышав этот голос, едва не свалился с лестницы.

К стойке медленно и величественно спустилась миссис Кархх из восемнадцатого номера.

– Я видела того, кто учинил весь этот беспорядок, господин Гаррет, – сказала старуха.

– Гремлин из угольного ящика, – кивнул хозяин гостиницы.

– Нет, это не гремлин. Это был гоблин-белсникель из свиты Крампуса. Он пришел, чтобы испортить Новый год.

Тут даже господин Гаррет не выдержал:

– Мадам, что за чушь вы...

– Где он, миссис Кархх? – прервал отца Томас. – Вы сказали, что видели его. Где и когда?

– Только что. Я видела, как он забежал в Газетную гостиную.

Томас и Фредди переглянулись и бросились туда.

Старуха сказала правду. Белсникель был в гостиной. Стоял перед украшенной елкой и потрясенно глядел на нее, задрав голову. Под мышкой он сжимал подарок, который стащил из комнаты Томаса, – стеклянный снежный шар.

Услышав шаги, Ворончик обернулся и попятился. Глянув на Томаса, он чуть склонил голову набок и высунул длинный черный язык, а затем снова повернулся к елке.

Томас и Фредди одновременно поняли, что сейчас произойдет.

– Нет, нет, нет! Не делай этого! – закричали они, не сговариваясь, и бросились к коротышке, но было поздно.

Ворончик запрыгнул на елку и покарабкался по ней. Закачались ветви, зазвенели развешенные на ниточках игрушки. Елка начала крениться...

– Держи ее, Фредди! – воскликнул Томас.

Фредди неловко выставил руки, пытаясь удержать заваливающуюся елку, но не смог, и та рухнула прямо на него.

Томас успел отскочить в последний момент. Красавица-елка лежала на полу, из-под нее раздавалась ругань Фредди, некоторые игрушки превратились в уродливые стеклянные осколки. Гоблин-белсникель из свиты Крампуса добился своего – испортил праздник.

К слову, сам он непринужденно, словно не натворил бед, высунул нос из колючей зеленой хвои и чихнул.

Томас прыгнул к нему, сунул руку в ветви и, схватив коротышку за ногу, выдернул его наружу. После чего отобрал снежный шар (повезло еще, что он был цел) и потащил Ворончика к выходу из гостиной.

Вслед ему раздался голос старого мистера Тёрнхилла, который ошарашенно наблюдал за всей сценой из своего кресла у окна:

– Это же... это не-птица... в Габене! Подумать только!..

Томас спустился с вырывающимся и пронзительно верещащим Ворончиком на первый этаж.

– Избавься от него! – с отвращением воскликнул отец, увидев «гремлина». – Унеси его прочь отсюда!

Томас вытащил Ворончика во двор и, быстро преодолев сугробы, добрался до угольного ящика. Открыв крышку, он засунул коротышку внутрь и захлопнул ее. После чего для надежности взгромоздил сверху стоявшую тут же коробку, полную старых сломанных часов.

– Нет! – заголосил Ворончик. – Только не ящик! Только не снова!

– Ты заслужил, – безжалостно сказал Томас. – Какой кавардак ты устроил! Поставил на уши всю гостиницу, переполошил постояльцев... перевернул елку!

– Я больше не буду! Выпусти меня! Выпусти!

Томас не слушал.

– Говорил же мне отец: «Твоя доверчивость тебя до добра не доведет, Томас...» Но я его не слушаю и вечно во что-то влипаю. Вот, пожалел «маленького несчастного» Ворончика, и чем это обернулось? Сам впустил в гостиницу белсникеля из свиты Крампуса, который собрался испортить праздник!

– Никакая я не белка! – возмущенно ответил Ворончик. – Я и не думал портить праздник. Это слишком мелко – мои планы намного масштабнее...

– Да, я помню: разрушить город, – раздраженно сказал Томас. – И что тебе этот город сделал?

Ворончик ответил не сразу.

– Уже не помню, – прозвучало из ящика. – Меня давно сюда отправили с заданием разрушить город, но, как только я здесь оказался, профессор Гримм схватил меня и запер в коробке. Но теперь я не в коробке, я выбрался, и ничто меня не остановит!

– Кроме этого ящика, – веско заметил Томас. – Если ты не белсникель и не собирався портить праздник, то зачем ты учинил этот разгром?

Ворончик поскреб изнутри стенку угольного ящика и жалобно всхлипнул. Томас едва сдержал себя, чтобы не выпустить маленького пройдоху.

– Я ждал в комнате свою рыбу, – едва не плача, сказал Ворончик. – Мне стало скучно, и я нашел эту штуку – она мне понравилась. Там снег внутри живет! Я с ней поиграл немного, а потом еще сильнее проголодался. Тебя все не было. Ну, я и пошел поискать еды. А потом какая-то злая дамочка обсыпала меня пудрой и попыталась поймать в ночную рубашку – я испугался и убежал. В коридоре на меня напали два каких-то типа, а я просто спросил, не найдется ли у них рыбешки! Они сразу же начали обзывать и попытались побить меня своими тростями. Один из них задел жуткую механическую штуковину, она перевернулась и затопила коридорчик горячей вонючей смолой. Пришлось спасаться бегством, пока я в ней не утонул. Выбравшись в одно окно, я забрался в другое. А там был какой-то хмырь с револьвером – он хотел меня подстрелить! Вообще-то, мне чудом удалось ускользнуть. А потом на меня напало очень мерзкое существо с хвостом! Это была драка, о которой сложат легенды! И я победил! Засунув мерзкое существо в чемодан, я побежал наверх и попал в замечательное место, и там было это дерево! Прекрасное дерево! На нем висели все эти прелестные штучки... прямо как на Крайвенгроу, празднике Снежной бури...

– Зачем ты полез на елку?

– Ты злился на Ворончика! Я испугался. Я не думал, что она упадет... Ты так и не принес мне поесть... где моя рыба? Две!

Томас даже распахнул рот от подобной наглости. Ну, это же мистер Ворончик – чего еще ожидать...

– Ты будешь меня выпускать? Мне здесь снова надоело.

Хороший это был вопрос. Признаться, Томас не знал, что делать со своим пленником: держать его в угольном ящике вечно он не мог, но и выпускать такое непредсказуемое существо было рискованно.

Ворончик будто уловил сомнения коридорного.

– Ну выпусти меня! – попросил он. – Я не буду разрушать гостиницу и портить праздник. Обещаю. Если только они не станут меня обзывать и лупить тростью. Я хочу есть... и хочу обратно свой стеклянный снежный шарик.

– Что?! – возмутился Томас. – Это не твой шарик! Это подарок на Новый год.

– Верно. Мне подарок.

– Не тебе! Это подарок... – Томас запнулся и понизил голос: – Это подарок для мистера Тёрнхилла. Он ему нужен. Этот шарик и так принадлежит ему. Ты даже представить не можешь, Ворончик, чего мне стоило его разыскать...

– Не понимаю. Зачем кому-то что-то дарить, если это что-то и так ему принадлежит.

Томас глянул на шарик. Это было настоящее произведение игрушечного искусства. Внутри находился крошечный городок, очень похожий на старый уютный Габен. Внизу к шару крепилась золоченая подставка, в которой чернела замочная скважина.

– Этот шар когда-то сделал для мистера Тёрнхилла его старший брат – и это единственное, что у старика от него осталось. Мистер Тёрнхилл потерял его на вокзале, когда прибыл в город. Он обыскал весь поезд, обыскал зал ожидания и даже Чемоданную площадь, но так его и не нашел. В Бюро пропавших вещей между тем ему сказали, что никакой шар туда не приносили...

– А ты его нашел? Где же он был?

– Одно время он был в Бюро пропавших вещей. Его туда принесла некая мисс, полагая, что потерявший шар человек будет горевать о пропаже и непременно захочет ее вернуть.

– Но ты сказал...

– Да, мистера Тёрнхилла заверили, что шар туда не поступал, но я хорошо знаю миссис Громбилль, которая заведует находками, а еще я знаю вокзал. Если что-то потерялось, оно непременно рано или поздно окажется у миссис Громбилль. У нас в гостинице тоже есть место, где хранятся вещи, оставленные и забытые постояльцами. Отец все норовит отдать содержимое кладовки старьевщику, но у него никак не доходят до этого руки. Там много полезного. К примеру, очень старая граммофонная пластинка с романсом Монтгомери Мо, а миссис Громбилль из Бюро потерянных вещей обожает старые романсы. Я отдал ей пластинку, и она так расчувствовалась, что призналась: ей приносили снежный шар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.